

ЙОНАС МАРДОСА

Литовский экологический университет (Вильнюс)

Декоративные вербы в западной Беларуси и восточной Литве во второй половине XX–начале XXI вв.

В статье рассматривается вопрос об особенностях функционирования декоративных верб в этнически и конфессионально смешанной среде западной Беларуси и восточной Литвы во второй половине XX–начале XXI вв. На основе полевых этнографических материалов устанавливаются основные типы декоративных верб и определяется характер используемого для их украшения материала. Устанавливается связь пальмообразных и вильнюсских верб с этническими и конфессиональными характеристиками верующих, а также рассматривается использование освященного символа в послепраздничное время. Выясняется, что распространение декоративных верб во второй половине XX в. определяется их рецепцией как символа Вербного воскресенья, а также их эстетическими качествами. Связанные с конфессиональными и этническими характеристиками населения декоративные вербы функционируют в западной Беларуси и восточной Литве как отходящий от своей христианской основы и вместе с тем наполняющийся новой семантикой образец современной религиозной и, в частности, народной культуры региона.

Ключевые слова: декоративная верба, ива, можжевельник, вильнюсская верба, западная Беларусь, восточная Литва, православные, католики, символ.

Введение

В народной культуре широко используются освященные во время богослужения предметы. Христианская церковь использует такие предметы в литургической практике в качестве элемента своего символического языка. Освященные символы в католической литургии называются *сакраменталиями*; ими могут стать предметы или действия, цель которых — достижение специфического, в первую очередь духовного эффекта [New Catholic Encyclopedia 2003, 479]. В православной же церковной традиции освященные предметы являются лишь подтверж-

дением веры. Таким образом, интерпретация сакрального инвентаря в различных христианских церквях не совпадает. В повседневной жизни освященные символы используются в различных целях, в частности, в процессе адаптации учения церкви к местным условиям, что составляет суть народной религии и народной религиозности [Mardosa 2012a, 15–20]. В настоящей статье мы обращаемся к вербам, которые освящаются во время Вербного воскресенья в память о вхождении Иисуса Христа в Иерусалим: в тексте Евангелия говорится, что народ устилал ему дорогу ветвями деревьев [Naujasis testamentas 1972, 71, 252]. Вербы в народной культуре функционируют в разных ритуалах и в быту. Благодаря связи с этнической средой церковные символы участвуют в формировании этноконфессиональной идентичности [Mardosa 2010, 154–164]. Более того, формы использования освященных предметов многообразны как на территории проживания отдельных этносов, так и на сопредельных территориях, что обусловлено культурными связями, природными условиями, историческими традициями. Поэтому этнический фактор, равно как и интерпретация символов в различных конфессиях, играет безусловно важную роль при выборе сырья для изготовления верб, их состава и формы. Помимо христианского значения, вербы могут иметь также декоративный характер. В последние десятилетия XX в. декоративные вербы заняли прочное место в литургии и обрядовой культуре населения западной Беларуси и восточной Литвы.

Интерес к изучению декоративных верб в западной Беларуси и восточной Литве обусловлен характером региона, в котором пересекаются этнические, конфессиональные и культурные факторы. Несмотря на условность выделения, эта территория представляет собой не только географическое понятие, но и исторический, этнический и культурный регион, где на протяжении веков происходили интенсивные этнокультурные процессы. Государственная граница разделила западную Беларусь и восточную Литву лишь в конце XX в. Здесь проживают поляки и литовцы, белорусы и русские. Особенностью пограничных с Беларусью районов юго-восточной Литвы является доминирование поляков среди местного населения, как в сельской местности, так и в городах [Мардоса 2008, 383–384]. Основная часть русских в восточной Литве проживает в Вильнюсе. Важно отметить, что с этническим фактором связана конфессиональная принадлежность людей. Поляки и литовцы в западной Беларуси и в восточной Литве — католики; белорусы — в основном православные, частично католики; русские — православные. Религиозная принадлежность людей тесно связана с национальной самоидентификацией населения. Например, в Беларуси и в Литве като-

лик, использующий белорусский язык (“*no próstu*”) в повседневной жизни, часто причисляет себя к полякам. По утверждению польского фольклориста Г. Юзалы, католики западной Беларуси в прошлые столетия приняли белорусский язык и поэтому говорят “*no próstu*”, однако на основе конфессиональной идентичности причисляют себя к полякам [Juzala 2008, 12]. Обыденный белорусский (“*no próstu*”) распространен и среди поляков юго-восточной Литвы [Šekmonas, Grumadienė 1993, 133–134]. На степень распространения польского языка на этой территории наложило отпечаток то, что в 1919/1920–1939 гг. земли западной Беларуси и юго-восточной Литвы входили в состав Польши. Таким образом, постоянное переплетение политических и этнических факторов на протяжении всего XX в. влияло на жизнь людей и во многом определяло народную культуру региона [Mardosa 2009, 13–23].

Конфессиональный вопрос приобретает особую значимость для западной Беларуси и восточной Литвы также в связи с различиями в исторической судьбе церкви в Беларуси и Литве в советское время. Если сеть костелов в советские годы в восточной Литве (за исключением Вильнюса) мало пострадала, то в западной Беларуси, как утверждают белорусские авторы, множество костелов и церквей были закрыты, и их восстановление началось лишь в последнее десятилетие XX в. [Новикова 2001, 10–11]. В конце XX в. в западной Беларуси возросло количество православных приходов [Абшчыны канфесій 1996, 29; 31]. В это время усиливается роль белорусского языка в костелах и церквях Беларуси, в начале XXI в. вытеснившего русский и польский языки из литургии [Гурко 2009, 218–219]. В связи с этими обстоятельствами исследование верб на этнически и конфессионально смешанной территории становится актуальной научной темой.

В настоящей статье рассматривается вопрос об особенностях функционирования декоративных верб в западной Беларуси и восточной Литве во второй половине XX–начале XXI вв.; устанавливаются основные типы декоративных верб, характер используемого для их украшения материала; определяется связь пальмообразных и *вильнюсских верб* с этническими и конфессиональными признаками верующих; исследуется использование установленных основных типов декоративных верб в литургии в послепраздничное время; делается попытка проследить связь рассматриваемых типов верб с традицией.

В советские годы вербы изучались этнологами фрагментарно, как правило, в контексте исследования календарных праздников. В последнее десятилетие XX–начале XXI вв. литовские авторы [Kudirka 1992, 5–7; Kudirka 1993; Dundulienė 1991, 93–97, Marcinkevičienė 2006] продолжали исследование вербы в том же направлении. Белорусские ав-

торы рассматривали вербную тематику также в контексте аграрного календаря и праздничной культуры [Земляробчы каляндар 2003; Лозка 2002, 89–90; Этнаграфія Беларусі 1989, 107; Беларуская міфалогія 2006, 79–80]. Больше внимания уделялось изучению различных аспектов, связанных с вильнюсскими вербами: как уникальное этнокультурное явление их рассматривали этнологи и искусствоведы [Kuodienė 1988, 94–97; Kudirka 1989, 8–10; Kudirka 1993; Kargaudienė 1993, 6–9; Žilienė 1999, 21–29]; вильнюсским вербам посвятил статью белорусский искусствовед В. Лобачевская [Лабачэўская 2003, 231–238]; фактический материал о современном состоянии ремесла представлен в информационном издании Я. Норкунене [Norkūnienė 2010]. В начале XXI в. автором данной статьи было начато комплексное изучение бытования вербы в восточной Литве и западной Беларуси [Мардоса 2011, 180–188; Mardosa 2009, 115–127; Mardosa 2010, 154–164 и др.]. Надо сказать, что во многих трудах белорусских и литовских авторов отсутствует глубокое рассмотрение региональных особенностей декорирования верб, мало изучены вопросы связи символа с этническими и конфессиональными факторами. Поэтому при изучении декоративных верб как пограничного явления двух соседних государств, наряду с учетом трудов этнологов и исследователей народной культуры Литвы и Беларуси, мы в первую очередь обращаемся к полевному этнографическому материалу.

Систематические полевые исследования в различных местностях западной Беларуси автор статьи проводил в 2004 г. и в 2007 г. Материал фрагментарно собирался также во время Вербного воскресенья в 2011 и 2012 гг. в Минске и Ошмянах, а в 2009–2013 гг. — в различных городах Польши и Украины. В содержание исследования входили опрос верующих (путем неформального интервью людей среднего и старшего возраста) и фотофиксация. Такое же обследование проводится ежегодно (с 2003 г.) в восточной Литве, главным образом в ее южной части. Материалы, связанные с исследованием верб, собирались также в других местностях Литвы. В общей сложности собраны нарративы свыше 200 респондентов, сделано несколько сотен фотографий. Данный материал представлен в статье в обобщенном виде; отдельные приводимые факты сопровождаются указанием на местность, где они были зафиксированы. Особенно ценный материал был собран на исследуемой территории в те годы, когда католическое и православное Вербное воскресенье совпадали. Обширный фактический материал дал возможность автору рассмотреть суть религиозного символа в различных формах его бытования — как религиозного, культурного и этнического явления.

Особенности декоративных верб в западной Беларуси и восточной Литве

В традиционной культуре западной Беларуси и восточной Литвы существовал единый образ верб. Природные условия определили традицию освящать возрождающиеся после зимы ветки деревьев. Чаще всего для этого использовались ветки разных пород ивы [Мардоса 2007, 44–45]. Данный вид сырья для верб входит в более широкий ареал славянской культуры, в котором отмечается связь освященных ивовых веток с дальнейшим использованием верб в послепраздничный период, напр., для выгона скота на пастбище. В белорусской научной литературе обычай битья скота вербой во время весенних обрядов отмечен как основная функция верб [Лозка 2002, 89–90; Земляробчы календар 2003, 319, 330; Зеленин 1992, 89]. Такой же обряд отмечается в первой половине XX в. и в восточной Литве [Mardosa 2009, 134–150].

В центральной и западной части Литвы существовала традиция освящать вербы из веток можжевельника, и она сохранилась в обрядах Вербного воскресенья также в начале XXI в. [Мардоса 2007, 45]. В середине XX в. ветки можжевельника (как сами по себе, так и вместе с ивой) начинают распространяться в восточной Литве, в первую очередь — среди католиков, а постепенно и среди православных (за исключением старообрядцев). В последние десятилетия XX в. можжевельник входит также в обрядовую жизнь католиков западной Беларуси, однако местные православные не признают можжевельник в качестве литургического символа [Mardosa 2009, 86]. Поэтому основу декоративных верб обязательно составляют ветки ивы (вербы), хотя может использоваться и можжевельник. Живые ветки декорируют сухими и искусственными цветами, а также другими украшениями. Этот тип декоративных верб мы называем *пальмообразными*. В качестве второго типа мы рассматриваем так называемые *вильнюсские вербы*.

Пальмообразные вербы

В начале XXI в. в западной Беларуси и восточной Литве вербы из веток деревьев включают разного рода искусственные украшения. По утверждению респондента из Ошмян, такие вербы проникли в села из города. Белорусские исследователи считают, что они являются имитацией *пальм* — распространенного в Польше символа Вербного воскресенья, и связывают их символическое значение с католической традицией [Беларускі фальклор 2005, 249; Беларуская міфалогія 2006, 80]. В Лиде православные отметили, что украшенные цветами ветки — это пальмы, и такая верба является уже католическим символом. Аргументом в пользу мнения о

*Верба в форме букета (Вильнюс).
Фото из архива автора*

к веткам ивы искусственные цветы, распространенный как в Беларуси, так и в восточной Литве, имеет параллель с известным типом верб у мазуров [Ганцкая 1977, 208], что позволяет обнаружить связь данных верб с религиозной культурой Польши. Таким образом, актуализируется вопрос о происхождении верб, представляющих собой социокультурную ценность, но не используемых в обычаях повседневной жизни в послепраздничное время [Мардоса 2007, 51].

Этнографические данные позволяют выделить среди пальмообразных верб три вида. *Первый* вид — это вербы, которые изготавливаются из веток ивы или можжевельника (или же из веток обоих растений) с привязанными к ним высушенными или живыми цветами. Такой вид верб характерен для восточной Литвы. Обычай украшать ветки бумажными или высушенными цветами П. Дундулене приурочивает к середине XIX в., ко времени начала изготовления вильнюсских верб [Dundulienė 1991, 94]. Это позволяет предполагать, что данный вид верб уходит корнями в польскую религиозную культуру; такое предположение подтверждается стабильным спросом на вербы этого вида среди поляков Литвы, хотя в восточной Литве интерес к ним встречаются и среди литовцев [Mardosa 2009, 107]. В связи с этим можно говорить о влиянии (западно)славянской культуры на религиозное поведение литовцев.

католическом происхождении верб такого типа в восточной Литве служит их освящение в костелах (чаще поляками) и отсутствие их в церковных обрядах православных (как отмечалось выше, старообрядцам в целом не свойственно украшение верб). С другой стороны, в настоящее время пальмообразные вербы имеют спрос во время праздника в Беларуси среди представителей обеих конфессий. Этот интерес к пальмообразным вербам со стороны православных исследователь русской религиозной культуры Э. Бондаренко объясняет тем, что вербы древних русских украшались цветами и выставлялись на улицах [2004, 156]. Тип вербы, для которого характерны привязанные

Рассматривая вопрос о времени распространения этого вида верб в Беларуси с учетом географически и конфессионально общего пространства, можно выдвинуть предположение, что они появились здесь после I мировой войны, хотя, возможно, и раньше. Следует заметить, что они распространены на этой территории не так широко, как в юго-восточной Литве [Mardosa 2009, 80]. В Беларуси представлен своеобразный вариант таких верб: ветки ивы украшаются засушенными садовыми цветами, полевыми растениями и даже дубовыми листьями. Судя по материалам полевых исследований, привязанные к веткам ивы высушенные цветы вытеснили распространенные ранее бумажные цветы. Композиции из можжевельника или ивы с засушенными цветами освящаются в костелах Вильнюса и (реже) юго-восточной Литве. В Беларуси высушенные цветы обычно привязывают к традиционным на этой территории веткам ивы, а можжевельник украшают цветками сухих цветов лишь изредка. С другой стороны, по рассказам жителей, в середине XX в. в деревне Ноча (Нача) Гродненской области, находящемся в пограничной с Литвой зоне, изготавливались украшенные сухими травами и колосьями ржи полуметровые вербы из можжевельника.

Вербы, составленные из живых веток, соответствуют литургической традиции. Такие ветки используются в послепраздничное время в обрядах и обычаях, а сухой материал сжигают; иногда вербу некоторое время сохраняют целиком как праздничный символ. Несмотря на связь украшенных верб с этническим и конфессиональным фактором, в целом их можно рассматривать в качестве регионального варианта символа без аллюзий на ритуальность. Кроме того, очевидно, что такие композиции следует расценивать как декоративный вариант современной религиозной культуры, несущий символический смысл. Живые ветки в вербе являются причиной их восприятия верующими как следование традиции. Важно отметить бытующее даже среди изготавливающих и реализующих вербы людей мнение, что из-за наличия в них сухого материала они не могут расцениваться как настоящие литургические символы (Шальчинкайский и Ширвинтский р-ны).

Букетики верб с сушеным материалом, характеризующиеся сниженным традиционным символическим значением в восточной Литве, не являются новым и самостоятельным витком народной религиозности. Такие вербы, даже будучи освященными, не являются сакраменталиями, они выполняют прежде всего эстетические функции и служат напоминанием о празднике. С другой стороны, подчеркивание в пальмообразных вербах символики Вербного воскресенья соответствует современному подходу к вербам представителей Ватикана: в его документах подчеркивается символическое значение различных верб в народной

религиозности в целом, но порицается использование вербных веток в магических целях [Liaudiškojo pamaldumo ir liturgijos vadovas 2004, 18].

Пальмообразная верба, украшенная искусственными цветами (г. Шучин, Гродненская обл.). Фото из архива автора

Второй, широко распространенный вид пальмообразных верб представляет собой изготовленный из веток ивы (в начале XXI в. иногда и можжевельника) символ с прикрепленными к нему искусственными цветками. Такого рода украшения равномерно распространены по всей изучаемой территории вплоть до Минска, где обнаружены также цветущие ивовые ветки с прикрепленными к ним цветами из пластика. Католики в Молодечно даже утверждают, что именно так должна быть украшена верба. В Беларуси вербы этого вида продают на Вербное воскресенье продавцы разной конфессиональной принадлежности, поэтому проследить разницу между католиками и православными практически невозможно. В Вильнюсе и его окрестностях в начале XXI в. во время католического праздника были отмечены пальмообразные вербы с яркими пластиковыми цветочками, что не свойственно православным Литвы. Представляет интерес тот факт, что длинные пальмообразные вербы с яркими пластиковыми цветами разной величины поставляют в Вильнюс на католическое Вербное воскресенье торговцы России и Беларуси, поэтому искусственные, имитирующие цветущие ветки вербы воспринимаются католиками Литвы

как непосредственное проявление славянской культуры. Такое восприятие зафиксировано в полевых материалах, где из высказываний жителей очевидно, что появление верб с цветами из пластика в обрядовой жизни Вильнюса расценивается как рост влияния православной и русской культуры в целом. Замеченный парадокс, по-видимому, складывается также и из-за ориентации православных на более яркую цветовую гамму искусственных цветов всякого рода, хотя подобная цветовая гамма существует и в польской культуре Литвы.

Православные Вильнюса не включают таких верб в обрядовую жизнь, что, возможно, вызвано предполагаемыми параллелями данных

верб с вильнюсскими вербами, непривлекательными для представителей православной конфессии. Православные Литвы признают полноценными вербы из живого материала, а пластиковые или засушенные цветы, по их мнению, не соответствуют литургической семантике. В то же время вербы из искусственных цветов, не несущие символики возрождения природы и вследствие этого литургически неполноценные, освящаются католиками Беларуси в костеле. Ориентация на декоративность верб отмечается также в современной Польше. С другой стороны, проживающих в конце XX в. в окрестностях Пунска (Польша) литовцев ксендз просил не приносить сделанных из сухого материала верб, однако на практике живые ветки, украшенные сухими или бумажными цветами, освящаются [Vaicekauskienė 2006, 196]. Кроме того, можно предполагать, что если в Литве такие вербы являются традиционными (причем традиция продолжается уже с XIX в.), то в Беларуси пальмообразные вербы, не несущие конфессиональных различий, являются продуктом религиозной жизни постсоветского периода. Это явление можно расценивать как современную особенность народной религиозности исследуемого региона.

Описываемый вид украшения вербы является трансформацией древней традиции. В середине XX в. женщины изготавливали цветы для верб из гофрированной бумаги, и цветы из пластика заменили в вербах популярные ранее разноцветные бумажные украшения. В Литве такие вербы, несомненно, связаны с польской католической культурой. Это предположение выдвинул Ю. Кудирка, обнаруживший, что еще во второй половине XX в. вильнюсские поляки расценивали вербы из бумажных цветов как национальные [Kudirka 1993, 8]. Вербы этого вида существовали в литургической практике в Вильнюсе с первой половины XX в. вплоть до 60-х гг. Исторического материала о существовании такого вида верб в Беларуси мало. Известно, что в Молодечно ветки ивы часто украшали цветной бумагой, а также, что в середине XX в. женщины в Барановичах украшали вербы цветами из гофрированной бумаги.

Сведения о таких вербах есть в материалах из уже упоминавшейся деревни Нача. Здесь цветы прикрепляли к веткам можжевельника, как это принято и среди литовцев в окрестностях Лазуны, где в 30-е гг. XX в. ветки ивы украшали бумажными цветами и разной зеленью [Maseika 1998, 55]. В настоящее время таких верб в обрядах Вербной недели Беларуси нет. По материалам полевых исследований, сегодня бумажные цветы как компонент пальмообразных верб распространены на западной Украине и в Польше, а также в окрестностях Кракова, в этнографической группе курпей. Как отмечает Р. Мяркене, под влиянием городской польской куль-

туры эстетический фактор стал важным также для проживающих в Польше литовцев, в среде которых в середине XX в. начали распространяться сделанные из веток ивы, бумажных цветов и вечнозеленых растений пальмообразные вербы [Merkienė 2006, 34]. Таким образом, можно говорить о существовании в предвоенные годы единого ареала распространения типа католических верб с бумажными украшениями на принадлежащих в то время Польше *кресах* и близлежащих местностях Литвы. По данным В.К. Соколовой, украшенные бумажными цветами и лентами вербы были известны в начале XX в. и в России [Соколова 1979, 98]. Во второй половине XX в. бумажные цветы на ветках ивы или (реже) можжевельника стали заменяться искусственными или засушенными цветами, в результате чего пальмообразные вербы приобрели современный вид.

Украшенные ленточками ивовые ветки (Гродно). Фото из архива автора

Для *третьего* вида пальмообразных верб характерны цветы, сделанные из нитей. Этот вид распространен в западной Беларуси, sporadически встречается также в восточной Литве, в основном на юго-востоке, в Дзукии [Mardosa 2009, 81]. Неслучайно представители дзукской культуры в Польше — жители окрестностей Пунска также привязывают к живым веткам ивы изготовленные из нитей цветы [Vaicekauskienė 2006, 196]. Технология изготовления проста: на ветку привязывают петли, чаще всего из толстой шерстяной нити, а затем их перерезают. Перерезанные петли образуют на вербе разноцветные цветы, так что верба приобретает черты, сближающие ее с символическим образом пальмы. Имеются и локальные варианты данного вида пальмообразных верб: в восточной Литве в середине XX в. к вербам стали привязывать

разноцветные ленты (Дубингяй, Тракайский р.). Надо сказать, что в целом такие украшения чаще всего отличаются индивидуальными особенностями в зависимости от изобретательности и художественного вкуса

изготовителей. Поэтому в одних вербах преобладает зелень, в других декоративные элементы, сочетающие разные по размерам и цвету украшения. Верба может быть украшена цветками разного цвета, изготовленными из различного материала. Таким образом, в первой половине XX в. верующие начали рассматривать освящаемые вербы с эстетических позиций, а изготавливающие евангельский символ женщины и особенно девушки придали вербам особый пальмообразный вид, сочетая в форме вербы сакральность и декоративность [Mardosa 2012b, 78–80].

Подводя итоги анализа пальмообразных верб, следует отметить, что этот тип верб, используемый во время Вербного воскресенья чаще всего в Беларуси, является новым витком развития формы и содержания символа. Идеологические обстоятельства в советский период сократили до минимума масштабы функционирования верб в целом, к тому же сеть церквей и костелов в Беларуси была в значительной мере уничтожена. В Литве процесс закрытия костелов получил более широкий размах в Вильнюсе, однако, несмотря на это, весь спектр разновидностей декоративных верб сформировался на всей территории восточной Литвы только после развала советского строя. В результате процессов развития декоративных верб в начале XXI в. во время Вербного воскресенья в западной Беларуси и в восточной Литве их выбор на рынках и возле костелов и церквей отличался большим разнообразием. Особенно отчетливо это видно по тем годам, когда празднование Вербного воскресенья у православных и католиков совпадало. Обращаясь к парадигматической основе возникновения верб, можно констатировать более четко выраженную ориентацию на религиозную суть символа у православных Вильнюса, для которых важно, чтобы ветки вербы были живыми, а декоративные и не подкрепленные литургическим содержанием вербы не рассматриваются в качестве элемента праздничной обрядности. Можно отметить, что пальмообразные вербы в западной Беларуси являются частью славянской христианской культуры, тогда как в Литве они являются католическим атрибутом праздника, причем в основном у верующих польской национальности.

Вильнюсские вербы

Вильнюсскими вербами принято называть плетенные из засушенных цветов и трав символы Вербного воскресенья. Многие авторы подчеркивают, что изображенная на картине художника К. Русецкого 1847 г. девушка с вербами является первым фактом, подтверждающим существование символа такого рода в Литве [Znamierowska-Prüfferowa 2009, 174; Лабачэўская 2003, 233; Kudirka 1992, 8]. В первой половине

Вильнюсские вербы, изготовленные в окрестностях Лиды (Гродно). Фото из архива автора

XX в. вильнюсские вербы постепенно становились одним из символов ярмарки Казюкаса, которая проходит с середины XIX в. 4 марта — в день праздника в честь покровителя Литвы св. Казимира как ярмарка деревянных хозяйственных изделий [Ogrodowska 2001, 151]. Вильнюсские вербы на ярмарке появились в середине 30-х гг. XX в. [Žilienė 1999, 28]. Примечательно, что в 50–60-е гг. ярмарка Казюкаса, будучи исключительным этнокультурным явлением в жизни Вильнюса, из-за ее привязки к церковному празднику оказалась за пределами официальных советских мероприятий. На неофициальной ярмарке, проходившей обычно на

Кальварийском рынке (ул. Дзержинского), а также во время Вербного воскресенья вербы продавались в незначительном количестве. Официальный запрет на торговлю вильнюсскими вербами был упразднен лишь в начале 70-х гг., а с 1985 г. их стали демонстрировать на выставках народного творчества [Kudirka 1993, 19].

Акцентирование художественных качеств верб и их экспонирование на выставках литовского народного творчества было важным фактом в условиях атеистической пропаганды. Можно предполагать, что трактовка вильнюсских верб как образца народного искусства и их включение в систему литовской народной культуры также способствовало их сохранению в польской культурной среде во время борьбы с религией. В этой связи важно отметить, что представление о вильнюсской вербе как произведении народного творчества в советские годы и в современных условиях делает их привлекательными для секуляризированной части населения, воспринимающей вербы в качестве этнокультурного символа. С другой стороны, освященные в Вербное воскресенье вербы могут иметь более широкую сферу обрядового применения. Во время Вербного воскресенья ими украшают костелы в окрестностях Вильнюса, а освященными вербами — интерьер жилых помещений, даже могилы

родных. Таким образом, вильнюсские вербы превратились в символ весенних праздников светского и религиозного характера, что, естественно, вызывает спрос на их изготовление.

Исключительное значение для нашего исследования имеет то обстоятельство, что вильнюсские вербы возникли в многонациональной среде окрестностей Вильнюса. Практически до последних десятилетий XX в. плетением вильнюсских верб занимались в основном женщины польской национальности на географически небольшой территории к западу от Вильнюса. Я. Норкунене на основе регистрации мест изготовления верб установила, что во второй половине XX в. ареал их производства распространялся на территорию более 20 км. на запад от современных границ Вильнюса (административные территории Зуюнай и Судярге) [Norkūnienė 2010, 49–50]. За последние десятилетия XX в. границы распространения вильнюсских верб расширились за счет плетения верб в тех регионах Литвы, где ранее такое производство не фиксировалось. Очевидно, что в современных условиях появляется стремление литовцев также расценивать вильнюсские вербы как образец литовского народного искусства. Таким образом, прослеживается тенденция подчеркивания прежде всего этнического аспекта символа, а религиозная символика верб выступает как вторичное измерение [Мардоса 2008, 390].

При рассмотрении традиционного ареала изготовления Вильнюсских верб важно отметить, что в предвоенные годы, когда юго-восточная Литва и западная Беларусь входили в состав Польского государства, влияние ярмарки Казюкаса охватило и белорусские земли. Благодаря ярмарке, а также продаваемым в городе во время Вербной недели изделиям народных мастеров из окрестностей Вильнюса вербы стали поступать и в Беларусь. Возможно, поэтому в Беларуси отмечены попытки связать их с белорусско-литовским пограничьем [Лабачэўская 2003, 237–238]. Однако по данным полевых исследований на этой территории как в прошлом, так и в настоящее время вильнюсские вербы не плетут. В Гродненской области в 2007 г. были обнаружены единичные случаи, когда переселенцы советского периода из Литвы или их потомки во время Вербного воскресенья продавали вильнюсские вербы собственного производства [Мардоса 2010, 201]. По мнению белорусских вязальщиц, у этого ремесла нет перспективы, так как отсутствует спрос на изделия; к тому же с ними конкурируют польские перекупщики, привозящие плетеные вербы из Белостока и других пограничных с Беларусью регионов Польши. Современные плетеные вербы в Польше существуют как факт современной польской культуры пасхального периода. По сравнению с изготовленными в окрестностях Вильнюса вербами польские отличаются технологией плетения; еще важнее то, что их отличает яркий

колорит, а такая цветовая гамма больше соответствует художественным вкусам белорусских верующих (как и жителей Польши).

Вильнюсские вербы присутствуют в литургии Вербного воскресенья в церковных обрядах Вильнюса и его окрестностей. Отмечены единичные случаи освящения таких верб в костелах по всей территории Литвы. Эту ситуацию не следует рассматривать как новый виток народной религиозности. В современных условиях вербы из ивы и можжевельника теряют прежние обрядовые функции и свой широкий спектр применения в быту. Вербки находят мало применения в различных сферах хозяйственной и семейной жизни. Сплетенные из сухого материала декоративные вербы не используются в магических целях. В случае, если вербы предполагается использовать в послепраздничный период как оберег, при освящении плетеных верб к ним добавляют ветку ивы или можжевельника. В этом аспекте вильнюсская верба сохраняет свое значение как символ праздника, а живые, соответствующие христианским канонам ветки деревьев воспринимаются как *сакраменталии* (Вильнюс, Вильнюсский и Шальчининкайский р.) с возможностью при необходимости использовать их в магических практиках.

Вильнюсские вербы начали изготавливать в национально и конфессионально смешанной среде, где они функционируют до сих пор, поэтому можно предполагать, что они могут стать также частью обрядовой жизни православных. Однако представители ортодоксальной церкви Литвы не связывают вильнюсские вербы с религиозной сферой. На ярмарке Казюкаса или возле костела во время Вербного воскресенья они приобретают такие вербы в качестве декоративного изделия, но в церковных обрядах их не используют [Mardosa 2009, 124]. Вероятно, это обусловлено, с одной стороны, отсутствием в изготовленных из высушенного растительного материала вильнюсских вербах христианской идеи возрождения, а с другой стороны, католическим происхождением плетеных верб. Поэтому вильнюсские вербы функционируют в современных условиях восточной Литвы в литовской и польской среде как символ, связанный с католической культурой как обрядовый элемент Вербной недели, конституирующий идентичность двух народов. Процессы этнокультурного и даже политического характера способствовали расширительному толкованию вильнюсских верб, когда они, будучи освященными, существуют для верующих как сакральный символ, а в профанной среде — как произведение народного искусства [Мардоса 2011, 187].

Как мы уже отмечали, католические корни вильнюсских верб, как и других видов декоративных верб, зачастую определяют конфессиональные и культурные предпочтения православных жителей Вильнюса. Та-

ким образом, все разновидности декоративных верб в целом функционируют как удаляющийся от своей христианской почвы религиозный символ и вместе с тем как наполняющийся по сути новой семантикой образец современной народной культуры западной Беларуси и восточной Литвы.

Выводы

1. Исследование верб в западной Беларуси и восточной Литве показало, что в использовании сырья для изготовления символа проявляется прямая связь этноконфессионального фактора с теологическим подходом к форме символа, основанным на народной религиозности. Акцентируемый в вербах христианский и вегетативный аспекты исторически определяют распространение на исследуемой территории обряда освящения верб из веток ивы. Во второй половине XX в., в первую очередь, в восточной Литве в качестве основы верб Вербного воскресенья началось использование веток можжевельника. Ветки ивы и частично можжевельника стали основой для создания различных видов декоративных верб, которые украшаются сухими или искусственными цветами. Во второй половине XX в. в западной Беларуси и восточной Литве отмечается тенденция освящать отличающиеся эстетическими качествами и декоративностью вербы.
2. Тенденция украшать вербы и придавать им пальмообразный вид появилась во второй половине XX в. и закрепились в его конце прежде всего как факт проявления славянской обрядовой культуры. В начале XXI в. выделяются три основных вида декоративных пальмообразных верб. Данный тип верб содержит региональные и даже локальные особенности. Хотя в восточной Литве декоративные вербы чаще освящаются католиками польской национальности, этот символ включается в праздничную обрядность Вербного воскресенья также литовцами. В западной Беларуси пальмообразные вербы в качестве религиозного символа освящаются православными и католиками (без выраженных этнических различий).
3. Меньше всего с христианской основой связаны вильнюсские вербы, традиционно являющиеся частью религиозной и художественной культуры юго-восточной Литвы. Возникшие как локальный образец католической религиозной культуры поляков юго-восточной Литвы в конце XX в., вильнюсские вербы расширяют сферу своего функционирования: такие вербы спорадически плетут по всей территории Литвы. Этому способствовал подход к вильнюсским вербам как к литовскому художественному творчеству, составной части народ-

- ной культуры и своеобразному символу культурной идентичности литовцев. Поэтому ареал изготовления и распространения вильнюсских верб постепенно теряет связь с традиционной средой их плетения в окрестностях Вильнюса.
4. Вильнюсские вербы функционируют на ярмарке Казюкаса как часть регионального культурного наследия Литвы и произведение народного творчества. В день Вербного воскресенья вильнюсские вербы сохраняют связь с католическими корнями; в качестве религиозного атрибута они освящаются в костелах поляками и в меньшей мере — литовцами. В то же время православные восточной части Литвы, так же как и участники обряда освящения верб в Беларуси, в целом не проявляют интереса к данному типу верб, считая их проявлением католической обрядности.

ЛИТЕРАТУРА

- Абшчыны канфесій 1996: Польскі С.А. (рэд.), *Беларусы: Этнагеаграфія. Дэмаграфія. Дыяспара. Канфесіі*. Атлас. Мінск.
- Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік*. Мінск, 2006.
- Беларускі фальклор: Энцыклапедыя ў 2 т.* Рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. Т.1. Мінск, 2005.
- Бондаренко Э. О., 2004: *Праздники христианской Руси. Русский народный православный календарь*. Калининград.
- Ганцкая О.А., 1977: Поляки, in Токарев С.А. и др. (ред.), *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники*. Москва, 202–220.
- Гурко А.В., 2009: Конфессиональная структура Беларуси в этнополитических процессах конца XX–начала XX вв., in *VIII конгресс этнографов и антропологов России*. Тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. Оренбург, 218–219.
- Зеленин Д.К., 1992: *Восточнославянская этнография*. Москва.
- Земляробчы календар. Абрады і звычэй*. 2 выданне. Мінск, 2003.
- Лабачэўская В., 2003: Віленскія пальмы, in A. Engelking, R. Huszczy (red.), *Pogranicza języków, pogranicza kultur: studia ofiarowane Elżbiecie Smułkowej*. Warszawa, 231–238.
- Лозка А., 2002: *Беларускі народны календар*. Мінск.
- Мардоса Ё., 2007: Освященная верба в обрядах Западной Беларуссии и Восточной Литвы, *Традиционная культура*, т. 1. 43–51.
- Мардоса Ё., 2008: Символ и вопросы религиозной идентичности в полиэтноконфессиональной среде: вербы в современной Западной Беларуси и Восточной Литве, in *Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии*. Материалы Международной научной конференции 29–30 мая 2008 г. Смоленск, 383–390.
- Мардоса Ё., 2010: Роль верб в этноконфессиональной идентичности в современной Юго-восточной Литве и Западной Беларуси, *Вісник Одеського*

- національного університету, т. 15, випуск 11, частина 1: Психологія. Одеса, 194–204.
- Мардоса Й., 2011: Вильнюсские вербы в народной религии и народной культуре литовцев и поляков Литвы во второй половине XX века–начале XXI века, *Матеріали до української етнології. Щорічник: Збірник наук. праць*, 10 (13). Київ, 180–188.
- Новикова Л.Г., 2001: *Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект)*. Минск.
- Соколова В.К., 1979: *Весенне–летние календарные обряды русских украинцев и белорусов*. Москва.
- Этнаграфія Беларусі: энцыклапедыя*. Гал. рэд. І.П. Шамякін. Мінск, 1989.
- Čekmonas V., Grumadienė L., 1993: Kalbų paplitimas Rytų Lietuvoje, in Garšva K., Grumadienė L. (sud.), *Lietuvos rytai*. Vilnius, 132–136.
- Dundulienė P., 1991: *Lietuvių šventės: tradicijos, papročiai, apeigos*. Vilnius.
- Juzala G., 2008: Lietuvos lenkiškasis paveldas: žvilgsnis iš šalies. Su etnomuzikologu iš Krokuvos dr. Gustavu Juzala kalbasi Saulė Matulevičienė, *Liaudies kultūra*, 2. 9–13.
- Kargaudienė A., 1993: Verba — šventė, verba — liaudies menas, *Įydija*, Nr. 3. Kaunas, 6–9.
- Kudirka J., 1989: Vilniaus verbos, *Mokslas ir gyvenimas*, 3. 8–10.
- Kudirka J., 1992: *Velykų šventės*. Vilnius.
- Kudirka J., 1993: *Vilniaus verbos* Vilnius.
- Kuodienė M., 1988: Vilniaus verbų spalvos, in Kudirka J. (sud.), *Spalva lietuvių liaudies mene*. Vilnius, 94–97.
- Liaudiškojo pamaldumo ir liturgijos vadovas, *Bažnyčios žinios*, 2004 11 19–21.
- Maceika J., 1998: *Lazūnai*. Vilnius.
- Marcinkevičienė N. ir kt. (pareng.) 2006: *Velykų rytų lelija pražydo: Verbų sekmadienio, Velykų, Jurginių papročiai ir tautosaka*. Vilnius.
- Mardosa J., 2009: *Rytų Lietuvos ir Vakarų Baltarusijos verbos: Liaudiškojo pamaldumo raiška XX a. antrojoje pusėje–XXI a. pradžioje*. Vilnius.
- Mardosa J., 2010: The Verba and Ethno-Confessional Identity in Eastern Lithuania and Western Belarus, in Sliužinskas R. (sud.), *Acta Historica Universitatis Klaipedensis XX: Studia antropologica IV: Identity Politics: Migration, Communities, and Multilingualism*. Klaipėda, 154–166.
- Mardosa J., 2012a: Įvadas į religijos etnologiją, liaudies religiją ir liaudiškąjį pamaldumą: paradigmų ir tyrimo turinio klausimai, *Lietuvos etnologija: Socialinės antropologijos ir etnologijos studijos*, t. 12 (21). 9–27.
- Mardosa J., 2012b: Verbos sakralumas ir kasdieniškumas: lytiškumo dimensija, in *Lietuvos etnologija: Socialinės antropologijos ir etnologijos studijos*. T. 12 (21), 75–104.
- Merkiienė R., 1997: Lietuvių etninės kultūros poslinkiai Seinų ir Punsko krašte, in *Etninė kultūra atkurtoje Lietuvos Respublikoje: konferencijos medžiaga*. Vilnius, 26–35.
- Naujasis testamentas*, 1972: *Keturios Evangelijos. Apaštalų raštai*. Vilnius–Kaunas. *New Catholic encyclopedia*. Detroit: Thomson/Gale; Washington, D.C.: Catholic University of America, 2003.

- Norkūnienė J., 2010: *Vilniaus verbos: gyvoji istorija*. Vilnius.
- Ogrodowska B., 2001: *Zwyczajy, obrzędy i tradycje w Polsce*. Mały słownik. Wydanie II. Warszawa.
- Vaicėkauskienė A., 2006: Punkskiečių kalendorinės šventės ir papročiai, in Kalnius P. (sud.). *Punsko ir Seinų krašto lietuviai: etninio ir kultūrinio tapatumo bruožai*. Punkskas, 193–222.
- Znamierowska-Prüfferowa M., 2009: *Vilnius, miestas arčiausia širdies*. Vilnius.
- Žilienė I., 1999: Vilniaus verbos — arealas ir paskirtis, *Liaudies kultūra*, 1. 21–29.

E-mail: j.mardosa@gmail.com

Апрель 2013 г.

JONAS MARDOSA

The decorated verba in Western Belarus and Eastern Lithuania in the second half of the 20th and the beginning of the 21st century

Various consecrated symbols play a special role in folk culture and folk religion. In the Christian liturgy, the *verba* (palm) is a symbol having a concrete religious meaning. In the second half of the 20th century, in Western Belarus and Eastern Lithuania, a tendency to consider *verba* from the aesthetic point of view emerged. An exceptional case among the *verba* (between Belarusian, Russian, Polish, and Lithuanian believers) are the decorated symbol, which may be called *palm-shape verba*.

Amongst the believers of Belarus, regardless of confession, the decorated *verba* (with flowers) has become a symbol of the contemporary religious identity. *Verbas* with decorations in Eastern Lithuania are more popular amongst Polish believers; in Western Belarus, they are blessed regardless of confessional and nationality differences. In the beginning of the 21st century, three main variants of *palm-shaped verba* may be found. The first variant is made from willow or juniper twigs decorated with dry and green flower blossoms (or the twigs of both trees are used together). The second and very popular decoration variant is artificial flowers attached to a willow twig. In the third variant, the blossoms made from threads are arranged along the whole length of a willow twig.

An exceptional case among the decorated *verbas* in Eastern Lithuania are the *Vilnius verba*. This variant of decorated *verba* first appeared at the start of the 19th century in the surrounding areas of Vilnius. Originally, these *verbas* were associated with the Polish religious and folk culture of Southeast Lithuania. In the second half of the 20th century, the *Vilnius verbas* were strongly linked with the Catholic Lithuanian and Polish folk culture of the Vilnius region, but have not been popular amongst the believers of Belarus.

Considerable differences may be noticed in the scope and content of decorative elements in the *verba* of Lithuania and Belarus. In Lithuania, decorated *verbas* are more popular among urban Catholics. Thus, *verba* reveals the diversity of the Christian tradition, which comprises the exceptional features of the contemporary folk religion in Eastern Lithuania and Western Belarus. Through the link between the *verba* and the ethnic and confessional communities, these variants of the symbol become an important identity-forming factor for the inhabitants of Western Belarus and Eastern Lithuania in the second half of the 20th and the beginning of the 21st century.